

Александр Степанович Грин

Веселая бабочка

Александр Степанович Грин

Веселая бабочка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=317602

Аннотация

«Барон подарил Мери письменный стол. Эту дорогую вещь (дамский письменный стол неприятно называть мебелью) он купил нетерпеливо и радостно, предвкушая ласковую улыбку женщины.

Ей, конечно, необходимо было писать на чем-нибудь свои записочки-лилипуты...»

Александр Грин

Веселая бабочка

I

Барон подарил Мери письменный стол. Эту дорогую вещь (дамский письменный стол неприятно называть мебелью) он купил нетерпеливо и радостно, предвкушая ласковую улыбку женщины.

Ей, конечно, необходимо было писать на чем-нибудь свои записочки-лилипуты.

Она действительно улыбнулась и благодарила барона и даже, привстав на цыпочки, поправила ему, под огненной бородой, галстук. Барон чмокал губами, мурлыкая от восторга.

Мери была танцовщица и жила на содержании у барона.

Осуждать ее за это не следует, – все дети любят сладкое и все хотят кушать.

Мери не любила барона. Она жила прошлым и мучилась им. Но в ярком ее лице не было ничего заметно. Посмотрим дальше.

Барон ушел. Мери подняла руки, соединив концы пальцев. Свои сильные чувства и мысли она выражала всегда танцами. Теперешние ее бессознательные движения, лениво из-

меняя позы нежного тела, созданного для поцелуев и глаз, казались острым желанием покинуть навсегда землю, несясь в дивный рай неги, описанный Магометом.

Она как бы взвивалась. Пальцы ее ног в маленьких туфлях едва касались пола. Трудно было заметить в ней золотник тяжести.

В зеркале с золотыми гирляндами, важно сдвинув тонкие брови, танцевала вторая Мери.

Был вечер: иллюминация улицы сверкала на черном окне белыми, красными и голубыми шарами.

– О Мери, Мери! – вздохнул, проходя мимо ее дома, молодой поклонник, очень несмелый.

– Мери! – простонал в другом конце города старик, тоже поклонник.

– Мери! – сказал купец, ударив по столу кулаком.

– Мери! – заплакал член общества одиноких.

– Барышня Мери! – проникновенно сказал дворник ее дома.

И еще много людей вспоминали в этот вечер красотку Мери, великодушную пленницу жизни.

Она же, кружась в сверкающей комнате, дотанцовывала свое случайное настроение.

II

После далекого, в передней, звонка, Мери остановилась.

Холеная, лъстивая горничная, войдя, сказала, что пришел неизвестный человек в старом пальто.

Мери кивнула.

Когда появился неизвестный, она с неудовольствием помотала головой: человек был весьма грязен. Видимо, он был из мира пропойц. Жалкий, детский лоб с густыми бровями, сеть морщин, красный нос, и быстро бегающие, опухшие глаза ясно выдавали «стрелка». Он, скрипя рыжими сапогами, подал запечатанное письмо.

Мери прочла, всплеснула руками, заплакала и упала в кресло, топая ногами от боли.

Затем сквозь раздвинутые на мокром лице пальцы один ее глаз, несчастный и влажный, взглянул на понурюю фигуру бродяги.

– Это... очень далеко? – Она всхлипнула еще раз и встала, вытирая глаза крошечным комочком платка.

– Извините – не близко. И без меня, осмелюсь сказать, трудно вам будет разыскать. Жилище сложное.

– Едем! – Мери неистово позвонила, чтобы одеться. – Идите в переднюю! Идите... я сейчас!

III

Извозчик вез странную пару от главных улиц, сетью угрюмых переулков, к заставе. Мери беспокойно ворочалась, понукая извозчика словами и зонтиком. Замысловатое перо ее

шляпы тряслось над ухом бродяги. Взволнованная, нарядная женщина угнетала его своим присутствием. Электрическая, душистая перчатка ее то и дело стискивала руку проводника в порыве горького нетерпения. Он хмуро ежился и, наконец, боясь прикоснуться к странному существу, устроил свои ноги так, что они болтались снаружи.

Мери почти молчала. Она боялась спрашивать. Коляска несла их в местах, где было меньше движения, с напуганной быстротой лихача. Характер улиц постепенно менялся. Грязнее и ниже становились дома, неровнее – мостовая, улицы – уже, фонари – реже.

Проходили толпы рабочих, хулиганы. Брели с добычей халатники, напевая по привычке: «Халат!» Скуластые проститутки шныряли в углах, басом приглашая «увлечься».

Взъерошенные кошки мяукали у ворот. Слепые протягивали свою горсть. Женщины в платках перебежали дорогу, прижимая к груди бутылку. Безрукие встряхивали пустым рукавом. Безногие ерзали по панели, вытирая вспотевший лоб. Хриплая музыка граммофонов гремела из дверей чайных. В пустынные дворы-сарай въезжали извозчики, покачиваясь от сна.

В переулке у шестиэтажного дома, сатанеющего от грязи, пьянства и нищеты, извозчик остановился. Мери и прощелыга вступили в полутьму крутой лестницы. Раздавленная луковица сунулась под каблучок танцовщицы, сделав его скользким. Наконец, потянув ободранную клеенку, провод-

ник открыл дверь. Это была квартира с перегородками из газетной бумаги и дранок, кусков штукатурки и развешанного белья.

– Входите! – сказал проводник Мери, притихшей от смущения.

Он свернул влево. Там, вытянувшись под лоскутным одеялом, на сколоченной из досок кровати – лежал в тряпье тяжело дышащий от слабости и счастливого нетерпения человек, на взгляд – иной породы, чем проводник Мери. Он был худ как цыпленок и всматривался, расширяя глаза.

IV

Мери наполнила собой комнату; в тысячу раз стало в ней беднее и гаже.

Больной привстал. Он ничего не видел, кроме женщины. Проводник вышел.

– Не жизнь, а кошмар! – сказала Мери, нагибаясь к лежащему и закусывая губу, чтобы не плакать. – Ты ли это, Максим?

– Обо мне потом! – восхищенно сказал больной, целуя упавшую ему на лицо ладонь. – Я пять лет не видел тебя. Я не имел права и сейчас это делать. Но, может быть, моя болезнь тяжела, как знать, что будет... захотелось взглянуть на Мери.

– Не ври! – Она, не удержавшись, заплакала, припав голо-

вой к плечу мужчины. – Еще бы ты помер! Этого не хватало! Я сделаю все, что нужно! Дай термометр... или нет, я побегу к доктору!.. Что с тобой?!

Но он не ответил сразу, и она не повторяла вопроса. Пять лет – срок немалый, – люди разучиваются говорить друг с другом, передавать чувства.

– Мери, – сказал наконец Максим, – я хриплю, задыхаюсь, не могу встать. Зачем ты ушла от меня?

Она выпрямилась. Необходимо было сказать правду, так как положение изменилось.

– Это все твои мамаша и тетки. Я ведь не знала, что из этого выйдет. Если б ты не писал романов, – другое дело. В тот день, когда ты ездил для меня за шеншелем, – обе они явились ко мне. Они даже не доложили о себе, а пришли, как домой. Разговор был короткий, но у меня разболелась от него голова. «Вы, – говорят они, – бросьте его, потому что он делается знаменитым писателем, а вы его погубите». – Мери пожала плечами. – «Вы, – говорят, – миленькая, но пустая и легкомысленная. Он из-за вас погибнет... Он за вас и теперь на стенку лезет... Будьте великодушны!» Так они меня уговаривали! Я долго после того, как они ушли, каталась по полу и рвала волосы, но ничего не сделаешь! Зачем стала бы я портить тебе жизнь? Я и написала тебе: «Не люблю, не могу видеть, противен», и кончено. Я же в дураках и осталась.

– Так вот что... – сказал Максим, повертываясь к стене и делая вид, будто колупает обои. Затем он пролежал, уткнув-

шись лицом в подушку, минут пять.

– Слушай, – робко сказала Мери, – не сердись!

Максим повернулся.

– А я не мог жить без тебя! – заговорил он. – Я спился... ты видишь, где я теперь! Это была ошибка, Мери. Я без тебя не мог работать совсем.

– Все пошло кувырком, – задумчиво произнесла женщина. – Но мы поправим это. Мы поселимся вместе. Ты будешь снова писать свои романы?

– Конечно.

– Хорошо. Поцелуй меня, пьянчужка, и подожди... я сейчас!

Она оглянулась. В щелях драных перегородок торчали истерически любопытные зрачки соседей и слышалось удерживаемое дыхание. Мери, все еще в слезах, показала зрачкам язык и помчалась за доктором.

На прелестном письменном столе, подарке барона, через день после рассказанного оказалась записка:

«Уважаемый Димочка! Ты будешь, может быть, горевать, но желаю тебе утешиться. Я уехала. Если придешь в театр, я выгоню тебя вон... Пойми это!..

Мери».

Этим оканчивается история. Здесь не нужно ничего прибавлять, потому что Максим выздоровел и Мери танцевала его выздоровление. Читатель может подумать, что автор

этого рассказа легкомысленный человек. Ничего подобного. Автор – почтенный человек с седой бородой, у него восемь детей и три дома в Саратове.